

Огонь, мерцающий в сосуде

"Запомните это имя - Владимир Куропатов из Кемерова!" - сказал на первом съезде молодых писателей 1970-х годов выдающийся русский писатель Валентин Распутин. Прочитав тогда эту фразу, я испытал законную гордость: он наш коренной, здесь сделал первые шаги в журналистике, отсюда, из газеты "Маяк коммунизма", унес первый свой опыт в областную комсомольскую газету ...

Наткнувшись впервые на его газетные фельетоны, необычайно остроумные, горько перченые, я их вырезал и впоследствии хранил многие годы до полного истления бумаги. Непросто у нас складывалось. Будучи редактором многотиражки на шахте "Шушталепская", он однажды так резко поговорил со мной, шестнадцатилетним, упрекнув и за почерк, и за стиль поведения, и за прочее, что навсегда сбил с меня "писательскую спесь" и приучил быть равнодушным к своей фамилии, набранной печатным шрифтом. И, слава Богу! Ибо не в том суть и истина. Через два года он перепечатал мой рассказ, взяв его из институтской многотиражки. Серенький, написанный "к празднику", вряд ли он того заслуживал. Скорее всего, таким образом он извинился за свою прежнюю резкость. Еще через четыре года в одной из своих статей в областной газете он назвал меня своим "старым другом". И тогда же, взяв с прилавка книжного магазина на ул. Кирова свою первую книжку рассказов "Пожили – поработали", прямо на прилавке возложил на нее свой развернутый в две фразы автограф.

Это была наша общая гордость и радость, - первая книжка, родился писатель. С тех пор вышло еще много разных книг: повести, рассказы, хроники. Передо мной

лежат, кроме названной уже, "Люди с этого света", "Безмолвие", "Сюжет для романа, без пролога", "Белая рубашка", "Имя отчее", "Плоть от плоти" ...

Считаю, что последнее название определяет коренную суть творчества Куропатова. Он наш от плоти, он и деревенский, и городской одновременно, простолюдин и интеллигент, рабочий и писатель; однако на деревне он несомненно, "первый парень".

Сегодня он, маститый; может быть, немного подзабыл нас. Но убежден, наша газета регулярно «ходит» к нему; прочтет и вспомнит ... А?

К сожалению, не успел закончить свою повесть "Кольчугинские зори" и стать членом Союза писателей очень талантливый и добрый человек, корреспондент газеты Николай Андреевич Тимахов. Повесть печаталась в газетном варианте и вызвала огромный интерес у читателей. В ней освещались события времен гражданской войны, развернувшиеся на юге Кузбасса и прилегающих районах Алтая ...

С помощью Тимахова в 14 лет я впервые переступил порог редакции с тетрадкой стихов. Он мигом побежал открывать двери кабинетов, вызвал всех в коридор - вплоть до канцелярско-бухгалтерского персонала, весело и восторженно провозглашая, что парень пишет почти как Пушкин, цитировал отрывки из моих опусов, конечно, не заслуживающих такой высокой оценки, в конце концов велел мне ждать начала заседания литературной группы. Однако я был столь напуган и смущен, что дезертировал, не дождавшись начала.

Как жаль, что ушел он из жизни очень рано, так и не исполнив задуманного. Не знаю, занимался ли кто-нибудь его архивами; там могло быть очень много ценного.

С высоты прожитых лет, имея "корочки" журналиста, будучи своим среди журналистской братии, пенсионер с педагогическим стажем, я вижу одну весьма характерную черту нашего редакционного коллектива, сохранившуюся от тех времен, когда газета была не только агитатором, но и организатором, когда печатного слова боялись пуще огня, и вплоть до наших дней: доброжелательность и заинтересованность, пытливая и умная улыбка ...

Вспомним, как встречала нас с улыбкой, как давным-давно знакомых и друзей, Р. Ф. Шипилова (светлая ей память).

Около тридцати лет знаю Л. Б. Смирнову, никогда не могу представить ее без улыбки. Не могу представить себе угрюмым и насупленным В. А. Абросова. Может быть, вы встречали когда-нибудь такими Е. С. Эргарт, О. А. Куртукову? Или главного редактора вы видели не смеющимся, не рассуждающим?

Эту улыбку, доброту человеческую кто-то когда-то зажег в нашей редакции, и она стойко передается по наследству от поколения к поколению.

Зайдешь к вам в редакцию, посмотришь на вас, поговоришь с вами - и будто к солнышку прикоснулся, И хорошо на душе становится. И как трудно ни бывает иногда, а после встречи с вами снова жить хочется.

Светить всегда,

Светить везде,

До дней последних донца,

Светить - и никаких гвоздей!

Потому, товарищ главный редактор, жалею теперь, что десяток лет назад, будучи депутатами горсовета, в пылу перестроечной эйфории мы так дружно проголосовали за новое имя газеты. Не подумали. Назвать бы ее "Маяк" или "Маяк города" ... Ведь в народе-то ее так и продолжают именовать "Маяком". Маяк он и есть маяк.

Г. Казанин